УДК 343.14 https://www.npzhdialog.ru/20-2026

Проблемы допустимости доказательств в судебном следствии: позиция государственного обвинителя

Бадаев Олег Алексеевич,
студент, Восточно-Сибирский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева, badaev2309@bk.ru

Аннотация. В статье рассматриваются теоретические и практические проблемы института допустимости доказательств в российском уголовном процессе. Исследуются законодательная конструкция ст. 75 УПК РФ, критерии недопустимости доказательств и процессуальные риски, возникающие в стадии судебного следствия. Анализируется актуальная судебная практика, включая вопросы оглашения показаний неявившихся свидетелей и допустимости заключения эксперта. Приводятся позиции исследователей о существенности процессуальных нарушений. Обосновываются предложения по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства и формулируются практические рекомендации для государственного обвинителя.

Ключевые слова: допустимость доказательств, недопустимые доказательства, судебное следствие, государственный обвинитель, уголовно-процессуальное право, процессуальные нарушения.

Двухуровневую систему недопустимости доказательств устанавливает ст. 75 УПК РФ [2]. В ее ч. 1 сформулировано общее правило: любое доказательство, полученное с нарушением требований Кодекса, является недопустимым. В ч. 2 это правило конкретизировано перечнем безусловно недопустимых доказательств. Так, в п. 1 ч. 2 недопустимыми названы показания подозреваемого и обвиняемого, данные в ходе досудебного производства в отсутствие защитника и не подтвержденные в суде. Эта норма воспроизводит правовую позицию Конституционного Суда Российской Федерации, выраженную в постановлении от 20 апреля 1999 г. N 7-П, и направлена на защиту конституционного права на квалифицированную юридическую помощь [1]. В п. 2 к недопустимым отнесены показания потерпевшего и свидетеля, основанные на догадке или слухе, а также показания свидетеля, не способного указать источник своей осведомленности. В п. 2.1 содержится запрет использовать в качестве доказательств предметы, документы и сведения, входящие в производство адвоката по делам его доверителей, полученные в ходе оперативно-розыскных мероприятий или следственных действий. Исключение составляют лишь предметы и документы, указанные в ч. 1 ст. 81 УПК РФ [2]. Для государственного обвинителя это означает необходимость тщательно проверять происхождение доказательств: если в ходе обыска в адвокатском офисе изъяты документы, содержащие сведения о консультациях клиентам, они подлежат исключению независимо от их доказательственной ценности.

Главная сложность — в п. 3 ч. 2 ст. 75 УПК РФ [2], сформулированном как открытый перечень: «иные доказательства, полученные с нарушением требований настоящего Кодекса». Формулировка не содержит критериев существенности нарушения. На практике один и тот же тип нарушения (например, отсутствие подписи понятого на последней странице протокола) в одном деле признается основанием для исключения доказательства, а в другом — несущественным дефектом. М. Слифиш [5] обосновывает, что буквальное толкование ч. 1 ст. 75 УПК РФ, при котором любое нарушение влечет недопустимость, не соответствует целям уголовного процесса, и отстаивает расширительное толкование. Но если любое нарушение можно объявить «несущественным», сам институт недопустимости теряет смысл. Граница, на наш взгляд, должна проходить не между «существенными» и «несущественными» нарушениями как таковыми, а между нарушениями, повлиявшими на достоверность или права участников, и чисто техническими дефектами, которые не затрагивают сущности доказательства.

Пленум Верховного Суда Российской Федерации в постановлении от 5 марта 2004 г. N 1 [3] разъяснил, что суд должен в каждом случае выяснять, в чем конкретно выразилось допущенное нарушение. По сути, Верховный Суд переложил на суды задачу разграничивать нарушения по значимости, но как именно это делать, в законе не сказано. Представляется, что ч. 1 ст. 75 УПК РФ [2] нуждается в уточнении. Целесообразно дополнить ее указанием на то, что недопустимыми признаются доказательства, полученные с существенным нарушением требований Кодекса, повлиявшим на достоверность полученных сведений либо на обеспечение прав участников уголовного судопроизводства. Конкретная редакция могла бы выглядеть так: «Доказательства, полученные с существенным нарушением требований настоящего Кодекса, являются недопустимыми. Существенным признается нарушение, которое повлияло или могло повлиять на достоверность полученных сведений, ограничило гарантированные законом права участников уголовного судопроизводства либо не может быть устранено в ходе судебного разбирательства. Нарушения, не отвечающие указанным критериям и не затронувшие сущности доказательства, не влекут его недопустимости, однако могут быть учтены судом при оценке доказательства».

Одной из острых проблем судебного следствия остается применение ст. 281 УПК РФ [2], регулирующей оглашение показаний потерпевшего и свидетеля. Ее ч. 1 допускает оглашение с согласия обеих сторон, а ч. 2 перечисляет исключительные случаи, когда согласие не требуется: смерть лица, тяжелая болезнь, отказ иностранного гражданина явиться по вызову суда, стихийное

бедствие или иные чрезвычайные обстоятельства. М. Б. Клыкова и С. А. Хлебунова [4; 6] указывают на существенный пробел в ч. 1 ст. 281 УПК РФ, связанный с неравенством процессуальных возможностей сторон при оглашении показаний неявившихся лиц. Понятие «существенные противоречия» (ч. 3 ст. 281 УПК РФ) носит оценочный характер и не имеет четких критериев. Если защита возражает против оглашения, а суд удовлетворяет ходатайство обвинителя, мотивировка часто сводится к формуле «стороне защиты была предоставлена возможность оспорить эти показания» — без указания, когда и в какой процедуре эта возможность предоставлялась.

Пленум Верховного Суда Российской Федерации в постановлении от 19 декабря 2017 г. N 51 [8] разъяснил: исходя из положений ч. 2.1 и 6 ст. 281 УПК РФ во взаимосвязи с п. 3 ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, оглашение без согласия одной из сторон показаний неявившегося свидетеля допускается лишь при условии, что обвиняемому на досудебных стадиях была предоставлена возможность оспорить показания предусмотренными законом способами. Конституционный Суд Российской Федерации в определении от 28 сентября 2023 г. N 2654-О [7] подчеркнул, что сторона обвинения обязана принять исчерпывающие меры для обеспечения участия в судебном заседании неявившихся свидетеля или потерпевшего, а бездействие обвиняемого или его защитника не может расцениваться как непредоставление ему возможности оспорить показания.

Показательно дело С., рассмотренное Судебной коллегией по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации (кассационное определение от 3 марта 2022 г. по делу N 37-УД22-1-К1 [10]). По приговору мирового судьи С. была осуждена по ч. 1 ст. 159.2 УК РФ. В основу приговора легли оглашенные по ходатайству государственного обвинителя показания свидетелей, которые не явились в судебное заседание. Сторона защиты возражала против оглашения и ходатайствовала о вызове свидетелей. Суд огласил показания на основании п. 5 ч. 2 ст. 281 УПК РФ [2] (неустановление места нахождения свидетелей), однако не учел, что на досудебной стадии С. не была предоставлена возможность оспорить эти показания: очные ставки не проводились. Верховный Суд Российской Федерации отменил приговор, указав, что показания свидетелей, правомерность оглашения которых вызывает сомнения, были положены в основу приговора и повлияли на выводы суда. Следовательно, государственному обвинителю уже на стадии изучения материалов дела необходимо проверять, была ли подсудимому обеспечена возможность оспорить показания свидетелей на досудебной стадии (например, путем проведения очных ставок). Если такая возможность не была предоставлена, оглашение показаний без согласия защиты создает высокий риск их исключения и отмены приговора, даже если формальные основания ч. 2 ст. 281 УПК РФ [2] соблюдены.

Суды подходят к оценке нарушений по-разному [11]. Четвертый кассационный суд общей юрисдикции признал заключение эксперта недопустимым, поскольку в нем не было отметки о предупреждении эксперта об ответственности по ст. 307 УК РФ (постановление от 30 января 2024 г. по делу N 77-229/2024). Седьмой кассационный суд общей юрисдикции исключил заключение эксперта, поскольку эксперт дал правовую оценку обстоятельствам дела, что входит в компетенцию суда, а не эксперта (определение от 22 октября 2024 г. по делу N 88-18119/2024). Вместе с тем суды не склонны признавать заключение недопустимым при отсутствии существенных нарушений. Так, несвоевременное ознакомление обвиняемого с постановлением о назначении судебной экспертизы само по себе не рассматривается как существенное нарушение, если обвиняемый не был лишен возможности ходатайствовать о назначении дополнительной или повторной экспертизы при фактическом ознакомлении с заключением в порядке ст. 217 УПК РФ [2]. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2010 г. N 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» прямо указывает: полученное заключение эксперта, содержащее выводы о юридической оценке деяния или о достоверности показаний допрошенных лиц, не может быть в этой части признано допустимым. Для обвинителя это означает, что формальные дефекты сами по себе не влекут недопустимости, если экспертиза проведена компетентным лицом и выводы внутренне непротиворечивы. Однако при обнаружении дефектов (отсутствует отметка о предупреждении по ст. 307 УК РФ, эксперт вышел за пределы компетенции) прокурору следует заранее подготовить ходатайство о вызове эксперта в суд для устранения неясностей в порядке ст. 282 УПК РФ [2], а не дожидаться ходатайства защиты.

Вопрос о том, какие нарушения влекут недопустимость, не имеет в литературе однозначного ответа. М. Слифиш [5] настаивает на разграничении существенных и несущественных нарушений: недопустимым должно признаваться лишь доказательство, полученное с нарушением, которое повлияло или могло повлиять на достоверность или права участников. Но без нормативных ориентиров решение о существенности уходит в судебное усмотрение — в то самое усмотрение, неопределенность которого и порождает проблему. Превентивная функция института тоже важна: исключение доказательств дисциплинирует следственные органы. Но если доказательство исключается ради «воспитания» следователя, а не потому, что нарушение реально затронуло права или достоверность, цена такого решения — уход от истины в конкретном деле. Конвенционный стандарт, выработанный практикой Европейского суда по правам человека и требующий, чтобы обвиняемому была предоставлена адекватная возможность оспорить показания свидетелей обвинения, задает минимальную планку, ниже которой опускаться нельзя в принципе. Эти позиции не противоречат друг другу. Недопустимость должна определяться совокупностью двух критериев — существенностью нарушения и его характером. Нарушения, которые можно устранить в ходе судебного следствия (повторный допрос, назначение

дополнительной экспертизы, вызов эксперта в суд), не должны автоматически влечь исключение доказательства. Но нарушения, затрагивающие конституционные права [1] (право на защиту, право не свидетельствовать против себя), должны влечь недопустимость безусловно, независимо от того, повлияли ли они на достоверность.

Государственный обвинитель в силу бремени доказывания, возложенного на него ч. 4 ст. 235 УПК РФ [2], является ключевым субъектом, от действий которого зависит судьба доказательств, оспариваемых защитой. На стадии ознакомления с материалами дела прокурору необходимо провести ревизию доказательств на предмет их потенциальной уязвимости. Особого внимания требуют протоколы допросов подозреваемого и обвиняемого, проведенных в отсутствие защитника (в случае отказа подсудимого от этих показаний в суде они подлежат исключению по п. 1 ч. 2 ст. 75 УПК РФ [2] независимо от причин отказа); протоколы допросов свидетелей, которые могут не явиться в суд (при отсутствии очных ставок оглашение таких показаний без согласия защиты сопряжено с риском отмены приговора); документы и предметы, изъятые в ходе обысков, связанных с адвокатской деятельностью. При рассмотрении ходатайства защиты о признании доказательства недопустимым бремя опровержения доводов защиты возлагается на прокурора, который должен представить суду конкретные доказательства, опровергающие доводы о нарушении. Применительно к ст. 281 УПК РФ [2] обвинитель должен принимать исчерпывающие меры для обеспечения явки потерпевшего или свидетеля — от направления повесток до применения привода. Если явка невозможна, до заявления ходатайства об оглашении прокурору следует удостовериться, что на досудебной стадии обвиняемому была предоставлена возможность оспорить показания. При отсутствии очных ставок целесообразно ходатайствовать о вызове и допросе свидетеля в суде, а не настаивать на оглашении. В части экспертиз прокурору стоит заранее установить контакт с экспертом для подготовки к возможным вопросам защиты, особенно если экспертиза назначалась без участия обвиняемого или с нарушением срока ознакомления с постановлением о ее назначении. При выявлении существенных дефектов в заключении прокурору следует рассмотреть вопрос о назначении дополнительной или повторной экспертизы, не дожидаясь ходатайства защиты.

Подводя итог, можно сформулировать следующие выводы. Во-первых, действующая конструкция ст. 75 УПК РФ [2] содержит системное противоречие: императивная формулировка ч. 1 («любое нарушение влечет недопустимость») не соответствует реальным потребностям правоприменения, где суды уже научились дифференцировать нарушения, но закон этот подход не выразил. Открытый перечень п. 3 ч. 2 ст. 75 УПК РФ оставляет решение на усмотрение суда, что делает результат рассмотрения ходатайства о недопустимости во многом непредсказуемым. Во-вторых, судебная практика, несмотря на отсутствие нормативных ориентиров, выработала единый, хотя и не закрепленный, критерий [9]: нарушение влечет недопустимость, если оно затронуло конституционные права участников или способность доказательства нести достоверную информацию. Этот критерий применяется контекстуально: так, при оглашении показаний неявившегося свидетеля без очных ставок на досудебной стадии суды исходят не из формального наличия оснований ч. 2 ст. 281 УПК РФ [2], а из того, была ли обеспечена возможность оспорить показания. В-третьих, роль государственного обвинителя в условиях законодательной неопределенности выходит за рамки простого применения готовых рекомендаций. Прокурор должен самостоятельно выстраивать методологию превентивной работы с доказательствами — от проверки их происхождения до планирования тактики восполнения возможных дефектов в судебном следствии. В порядке совершенствования законодательства предлагается дополнить ч. 1 ст. 75 УПК РФ указанием на существенный характер нарушения, повлиявшего на достоверность сведений либо на обеспечение прав участников; ввести в ст. 75 УПК РФ новую часть, определяющую критерии существенности (влияние на достоверность, ограничение прав, неустранимость в судебном разбирательстве); дополнить ст. 281 УПК РФ нормой, обязывающей суд при оглашении показаний неявившегося свидетеля без согласия защиты устанавливать, была ли обеспечена обвиняемому на досудебной стадии возможность оспорить эти показания, с указанием соответствующего вывода в протоколе судебного заседания.

Примечания

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 09.10.2026).

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. N 52 (ч. I). Ст. 4921.

3. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 05.03.2004 N 1 «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2004. N 5.

4. Клыкова М. Б., Хлебунова С. А. Проблема практики оглашения показаний в судах лиц, не явившихся в судебное заседание // Вестник экономики, управления и права. 2026. Т. 19. N 1.

5. Слифиш М. Критерии допустимости доказательств: в свете принципов, действующих в сфере уголовного судопроизводства // Российское право: образование, практика, наука. 2025. N 5.

6. Клыкова М. Б., Хлебунова С. А. Процессуальные проблемы оглашения показаний в судебном следствии // Уголовный процесс и криминалистика. 2022.

7. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 28.09.2023 N 2654-О // СПС «КонсультантПлюс».

8. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19.12.2017 N 51 «О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства)» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. N 2.

9. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации N 1 (2024) (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 29.05.2024) // СПС «КонсультантПлюс».

10. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 03.03.2022 по делу N 37-УД22-1-К1 // СПС «КонсультантПлюс».

11. Обзор практики кассационных судов общей юрисдикции о признании доказательств недопустимыми (2023–2024 гг.) // Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации. URL: https://genproc.gov.ru (дата обращения: 09.10.2026).

English version

Issues regarding the admissibility of evidence during the judicial investigation: the position of the public prosecutor

Badaev Oleg Alekseevich, student, East Siberian branch of the Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev

The article is devoted to theoretical and practical problems of the institution of admissibility of evidence in Russian criminal proceedings. The legislative construction of Article 75 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, the criteria for inadmissibility of evidence and the procedural risks arising at the stage of judicial investigation are considered. Current judicial practice is analyzed, including the issues of reading out the testimony of absent witnesses and the admissibility of expert opinions. The positions of researchers on the materiality of procedural violations are presented. Proposals for improving criminal procedure legislation are substantiated and practical recommendations for the public prosecutor are formulated.

Keywords: admissibility of evidence, inadmissible evidence, judicial investigation, public prosecutor, criminal procedure law, procedural violations.